

АЛЕКСЕЙ АГАПОВ

**три рассказа
на восточную тему**

Алексей Агапов

Три рассказа на восточную тему

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24427858

ISBN 9785448531200

Аннотация

Китайский причал, улица танских людей – так они это называют сами. Такие улицы прочно выросли в планировку многих городов мира.

Содержание

1. Триада Коха	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Три рассказа на восточную тему

Алексей Агапов

© Алексей Агапов, 2017

ISBN 978-5-4485-3120-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Триада Коха

Евнух Чжэн Хэ всю свою жизнь уверенно шёл вперёд. Он всматривался в неразличимую даль, не умея понять: чтобы оказаться за горизонтом, нужно всего лишь построить дом. Кто живёт мыслями о будущем, не видит у себя под ногами. Потеряв мужские наружности, государственный скопец потерял больше. Чужая традиция, чужая религия – возможно, в этом причина... «Мусульманин или христианин, белый или чёрный, крепко стоящий на ногах или бегущий за ветром, умный или дурак – здесь нет большого различия. Ты будешь подбрасывать палки в огонь, желая добиться внешнего эффекта. Тебе нет заботы о внутренней силе огня, пока ты не обнаружишь, что становится слишком жарко, и тогда ты видишь, что теперь это горит твой дом. Только в этот момент ты понимаешь свою ошибку и начинаешь лить воду. Таскаешь её, черпая ладонями или ведром; ты поднимаешь панику, звонишь пожарным и кричишь на помощь соседей, не слушая, когда говорят: твои усилия бесполезны. Ты продолжаешь свою жалкую суету, даже когда от дома осталась лишь куча горячего пепла. Откуда знать тебе, что большим огнём лучше любоваться со стороны? К чему топтать красные угли, если их жар приготовит тебе вкусный обед?» – Лао Ли нравилось задавать утвердительные вопросы. Он действительно был уже стар. Во всяком случае, так

он выглядел, так себя вёл. Когда говорил, старик провожал ладонью свою жидкую бородёнку – от лица к груди. Собеседник видел только узкие щёлки на его лице, были за ними глаза или нет – неизвестно.

Лао Ли был первым китайцем в городе; Пшеничный помнил его ещё с тех времён, когда был мальчишкой... Это была окраина города, (тогда – окраина), пустырь за рабочими пятиэтажками, зараставший одуванчиками и кучами нелегального мусора. Мальчишки любили бегать сюда за находками; всегда попадалось что-нибудь интересное: использованные капельницы, детские рисунки, кассеты с размотанной плёнкой, проволока, микросхемы, книги, чёрно-белые порнографические открытки. Однажды на границе растущей свалки, там, где уже начинались берёзы, появилась кибитка. Над куполом, из которого солнце высасывало последний цвет, бледно дымила ржавенькая труба. Снег ещё валялся в тени, но весна уже перешагнула черту, за которой путь ей был только один – к лету. Когда нерешительное удивление первых минут прошло, мальчишки захотели приблизиться. И, конечно, исполнили бы задумку и точно узнали бы, что это за кибитка и кто в ней хозяин, но огромная чёрная Псина выпрыгнула им навстречу – удрали. Никто не крикнул привычное: «Шуба!», никто не оборачивался. Первым остановился Пашка Рыжий – уже под прикрытием пятиэтажек. Трудно дышали, молча оценивая потери – все целы. В тот день больше на пустырь не совались. Цыгане снова пришли – так

решили.

Несколько лет назад цыгане уже стояли на пустыре, целый табор: несколько десятков или даже за сотню – никто не считал. Вечерний ветер, залетая в открытые окна ближайших домов, приносил с собой их неясные крики и дым от костров. Конечно, многим не нравилось такое соседство: про цыган много нехорошего говорили, но – трогать их долго никто не решался. Лишь когда в районе пропали двое мальчишек, местные жители, мало надеясь на эффективную работу милиции, подняли стихийное ополчение. Захватив из гаражей и сараев вилы и монтировки, подбирая по дороге примитивное оружие пролетариата, мужчины направились искать виноватых в табор. Однако известия быстрее всего приходят туда, где им быть не нужно – табор снялся, оставив после себя только вытопанную землю, два разорённых кострища и некоторые другие признаки ушедшей вдруг жизни, в основном, мусор, который как раз с тех пор и начал копиться на пустыре. Кое-кто бросился в погоню, но следы табора потерялись уже на первых её километрах. На следующий день пропавших мальчишек обнаружили на вокзале в соседней области, – сбежали из дома, хотели уехать в Ялту, – а цыган так больше никто и не видел. Ни старых, ни новых...

Теперь думали, что табор возвращается, предполагали, много ли в нём будет цыган, однако кибитка так и осталась единственной на пустыре – никто больше к ней не присоединился. А скоро обнаружился и её обиталец: маленький, жел-

толицый, узкоглазый. «Китаёза», – процедил тогда Пашка Рыжий, – «Типичный китаёза». В этих словах была неприязнь, которую Пашка, кажется, специально выдавил из себя, чтобы все знали. Лишь много позже Пшеничный понял причину этой активной неприязни, источник которой, оказалось, прятался где-то внутри самого китайца – он был чужой, а чужих не любили. Всех: и цыган, которые вдруг ушли, и людей с Кавказа, только начинавших тогда активное освоение городского пространства, и прочих, если были замечены где-то рядом – однако не любили почти всегда только между собой, опасаясь выпускать наружу, прятали нелюбовь, показывали только своим. Чужих боялись, и потому только, что это были чужие – что там у них за пазухой? Это был страх такого же рода, как если, оказавшись одному в незнакомом районе в тёмное время, повстречать на пути весёлую компанию – лучше перейти на другую сторону, свернуть на другую улицу, скользнуть в кусты или в подъезд, убежать, не связываться. С китайцем была обратная ситуация: это он был один в чужом районе, и компания, конечно, с удовольствием нашла бы повод к нему придрататься, и не трогала только потому, что кто-то, Вовка Хромой, кажется, убедил всех, что любой китаец обязательно хорошо дерётся и может в одиночку одолеть хоть сто человек – кунг-фу или что там у них ещё. Этому верили: фильмы с Брюсом Ли как раз были популярны в то время, их показывали в многочисленных видеосалонах. В общем, если пристанешь, то можешь получить

так, что, по тогдашнему выражению, будешь «лететь, пердеть и радоваться»; звучало весело, однако испытать на себе смелых не находилось.

К тому же, чёрная Псина всегда была настороже – наводила шум. Поначалу спасались от неё, кто куда, но скоро поняли: далеко от кибитки Псина не бегаёт, всегда остаётся на своей территории – метров десять-пятнадцать, редко дальше; эту окружность называли «зона Псины». В общем, нападать не решались, но каждый день, – почти каждый день, – бегали на пустырь после уроков: запасались камнями, чтобы с безопасного расстояния расстреливать ими кибитку. Обязательно старались попасть, за попадание полагались очки, которые суммировались по итогам дня или недели. Соревновались между собой, как без этого.

Поскольку атакующие позиции всегда находились на внешней стороне «зоны Псины», попасть или хотя бы докинуть камень до кибитки с такого расстояния удавалось далеко не всем и не сразу. Лишь постепенно камни начали падать ближе, подпрыгивали от земли к самым колёсам и только совсем иногда ударяли о деревянный бортик кибитки. Со временем такое случалось чаще, и даже ветхий купол, бывало, страдал под ударами, автором которых почти всегда оказывался Пашка Рыжий, физическим развитием обгонявший остальную компанию. А может, дело было в руках, они у Пашки были длинные – обезьяньи. Однако даже после тех исключительных попаданий, в результате которых, Пашкин

камень прорывал ткань купола, исчезая внутри кибитки, китаец, который, все точно знали, тоже сидит внутри, никогда не показывался наружу. Только один раз вылез, в самом начале: посмотрел вокруг, увидел мальчишек, постоял, глядя в их сторону, – и снова убрался в кибитку. Потом, когда всем надоедало бросать камни, и атака заканчивалась, китаец всё-таки появлялся, успокаивал Псину, продолжавшую недобро ворчать на обидчиков, снимал купол и принимался ставить на нём заплаты: жёлтые, синие – они всегда выглядели новее самого купола. Китаец напевал всякий раз что-то, только ему понятное; Псина лежала рядом, прислушивалась. В такие моменты никто их не трогал, оставляли до завтра или до выходных. Главное условие не менялось – чтобы китаец «был дома»; в пустую кибитку никто кидать не хотел, не интересно. Хотели именно разозлить: чтобы выбежал, чтобы закричал – бесполезно. Пшеничного удивляло такое молчаливое принятие происходящего, в этом была загадка, волшебство, сродни тому, которое древние находили в громе и молнии. Объяснение всегда есть, но его очевидная простота мало кого устраивает: «Человек – это всего лишь часть большего, потому он слаб. Целое сильнее любой из своих частей. Я человек и не могу победить весь мир. Глупо тушить вулкан, разбрызгивая собственную мочу», – так позже говорил Пшеничному Лао Ли.

В компании китайское поведение считалось проявлением слабости. Вера в боевые способности узкоглазого пришельца

сначала сильно подтаяла и растеклась, потом её разбавили июньские грозы, а, подогретая июльским солнцем, она и во все начала испаряться, окончательно исчезнув к осени. Китаец продолжал молчать, отчего озлобление к нему нарастало, каменные атаки становились ожесточённые, но вдруг закончились, когда Псина, – так показалось, – будто нарочно, бросилась под булыжник Пашки Рыжего. Неприятный хрустящий звук, после которого собачий лай срывается на хрип и – Псина падает. Чей-то азартный камень ещё успел подлететь к кибитке, после этого стало тихо. Было слышно только хрипение Псины, видимо, и после удара продолжавшей облаивать нападавших; у Псины дёргалась задняя лапа – левая. Почуввав неладное, из кибитки показалась китайская голова, и следом за ней вылез весь китаец. Он подошёл к Псине и, присев рядом прямо на землю, погладил её по окровавленной голове; Псина подвизгивала, наверное, хотела подняться, но не могла. Китаец подобрал с земли камень, – тот самый, – и снова ударил им Псину по голове. Неприятный звук повторился, лапа перестала дёргаться, собака замолкла. Компания молча наблюдала происходящее; поднявшись, китаец посмотрел на неё в ответ. На этот раз он оказался сильнее – покидая пустырь, всё так же молча, каждый чувствовал на себе его провожающий взгляд.

Какое-то время никто не решался снова отправиться на пустырь. Впрочем, были вполне объективные хлопоты: линейка, первые учебные дни, когда заново узнаёшь одно-

классников, делишься с ними впечатлениями прожитого лета, потом – собственно учёба. О пустыре надолго и вернулись туда только в первые по-настоящему пасмурные дни, которые предвещают скорое наступление слякотно-морозного межсезонья – на пустыре не было ни китайца, ни его кибитки, ничего, что могло бы указать на его недавнее здесь присутствие. Пшеничный и другие мальчишки ходили ещё некоторое время сюда, бродили между куч старого мусора, хотели найти могилу Псины, но – бесполезно. «Съел он её, они собак едят и крыс, и вообще, что найдут, могут и человека съесть», – говорил Вовка Хромой. Ему верили и заново начинали побаиваться китайца, однако не оставляли безуспешных поисков на пустыре. Никто не знал тогда ещё, что искать надо уже в другом месте. Пшеничный понял это первым, когда родители в преднаступлении холодов повели его на рынок, чтобы «купить тёплый верх» – так говорила мама...

Яму не сразу стали так называть. Когда-то на этом месте протекал ручей, но свидетелей тому, кроме старых карт города, никого не осталось. В детские времена Пшеничный с друзьями приходили сюда, чтобы играть в Хищника или в Тарзана: заросший деревьями и непроходимыми для взрослого человека кустами овраг вполне заменял тропические джунгли, пожалуй, даже более непроходимые, чем настоящие. Именно после неудачной прогулки по ним Вовка Хромой получил свою кличку. Существование СССР уже нахо-

дилось на искусственном жизнеобеспечении, когда заросли начали вырубать, – предполагали для пешеходной зоны. Однако события вдруг начали меняться стремительно, почти мгновенно, и люди учились так же стремительно на них реагировать: осенью освобождённая от растительности земля превратилась в грязную кашу, а к зиме, когда пришёл, наконец, твёрдый температурный минус, индевелое поле заполнилось торгующими людьми. Позже у них появилось название – челноки. Каждый день, ещё затемно, они разбивали здесь свои палатки, едва укрывавшие их от непогоды. Потом появились наспех сваренные металлические прилавки, заваленные горами привезённых из-за открытой границы дешёвых шмоток – всё разноцветное. За порядком следили крепкие молодые люди. Ну, как следили: приезжали каждую неделю за десятиной, прописывали новеньких, отселяли провинившихся, иногда решали кое-какие проблемы с властями.

Так продолжалось всю зиму, потом весенняя оттепель расквасила землю, и рынок поплыл. Надежда на скорое спасение уплывала вместе с ручьями; снега зимой навалило много, весна затягивалась. Стекая в естественную низину, вода прибывала, и плавание свободного рынка грозило обернуться для него катастрофой – крысы начали покидать судно. Даже бригада дворников не могла спасти положение, ситуация явно требовала кардинальных решений. Беспокойство обитателей рынка перекинулось и на крепких молодых

людей, которые понимали, что скоро могут лишиться, хоть далеко не единственного, но стабильного источника дохода. Они раздобыли где-то, – вероятно, просто сняли с сельской дороги, – несколько десятков бетонных плит, которыми бригада рабочих застелила торговую площадь, захватив ещё и по краям; границы обозначили нехитрым забором из столбов и железной сетки. Процедура заняла всего несколько дней. Обновлённую территорию рынка, которую с тех пор в городе называли Ямой, молодые люди окончательно объявили своей и, в счёт покрытия понесённых расходов, подняли арендную плату; несогласных отселили. Желающих занять освободившиеся места нашлось со значительным превышением, но самопровозглашённые хозяева рынка не стали ограничивать набор, и очень скоро палатки начали вылезать из Ямы на её склоны и дальше – к домам частного сектора, которые стояли в историческом центре города ещё со времён последнего императора. Когда частный сектор с одной стороны, изгиб речного русла с другой, проспект Ленина с третьей и одноимённая площадь с четвёртой остановили расширение рынка, в Яме и на захваченных ею территориях начались уплотнительные процессы.

Странно, что компания сразу не отправилась искать китайца на рынок. Лао Ли появился на пустыре как раз той весной – после реновации Ямы. И каждое утро он ходил на рынок, навьюченный огромным мешком, в котором лежали смятые в кучу футболки и джинсы. Торговая точка

Лао Ли находилась вне Ямы, местный капитализм оттеснил китайца на самую окраину рынка, к заброшенным барачным постройкам, возле которых полюбили решать свои дела наркоманы. Здесь лабиринты Ямских кишок прирастали небольшим аппендиксом, где устроили свою блошиную зону старушки и алкоголики, распродававшие найденное в кладовках барахло; обыкновенные покупатели не часто заходили сюда. Палаток здесь никто не ставил, весь товар либо раскладывался на плотной целлофановой подстилке и лежал прямо под ногами, либо развешивался на близрастущих кустах, либо держался цеплявыми пальцами и на плечах торгующего. Так поступал китаец: распахнутые руки были заняты джинсами и футболками, на голове сидела бейсболка с ярким рисунком и плоским козырьком, который тут же сгибался в параболу или ломался надвое, если у бейсболки появлялся новый хозяин.

Осенью китаец переместился из-за периметра к центру рынка. Жёлтое лицо, брошенное в привычную глазу толпу, было заметно в ней. Китаец не пропал, остался в городе, по-прежнему торговал шмотьём, неизвестно откуда ему доставшимся, однако теперь он стоял не на провинциальной окраине Ямской империи, – мать никогда не ходила по сомнительным закоулкам и вряд ли она даже подозревала об их столь близком соседстве, – место китайца было теперь внутри самой Ямы. Пшеничному показалось, будто его изнутри толкнули, когда его взгляд опознал фигуру, стоявшую возле сто-

рожевой будки, мимо которой их проводила мать – вдоль палаток, отец чуть позади. По-тихому никак было не выскользнуть и за людей тоже не спрятаться: примут за вора – только хуже. Чувство было, что сопровождают на суд, и судить станут несправедливо: делал, не делал – виноват и всё, разговор окончен. Так уже было однажды, когда Пшеничный учился в начальной школе: в то время религия начала модной, и мать стала брать его с собой в церковь. Поначалу Пшеничному нравилось: церковное убранство, запахи, звуки – всё было интересно, всё притягивало, пока однажды мать решила, что её сыну необходимо пойти на исповедь... Батюшка стоял в тёмном закутке, куда к нему, как в магазин за колбасой, выстроилась целая очередь прихожан... Пшеничный терялся, не зная, что отвечать, а батюшка спрашивал, спрашивал... с какой-то особенной интонацией спрашивал, так что казалось, будто Пшеничный виноват в чём-то, чего даже не думал делать... Было очень обидно, хотелось возразить, заплакать и убежать, но тогда пришлось бы дома разговаривать с матерью, снова быть виноватым... Батюшка закончил словами: «Властью, мне данной, прощаю и разрешаю...» – совсем как в суде. Но теперь оправдательным приговором не обойдётся: если китаец признает, отец не простит убийства собаки – свою он не завёл только потому, что живёт в городской квартире, где собаке не место.

Пшеничный отворачивался, прятал взгляд, ёжился, пытаюсь укрыться где-то в закоулках одежды, но, похоже, всё зря:

китаец даже не смотрел в его сторону, разговоры вёл только с матерью, показывал ей пуховик – яркий, из кусков разного цвета, мимо не пройдёшь. Мать высказывала сомнения: здесь не коротко ли, тут не висит ли – обо всём дотошно расспрашивала китайца, обнаружившего вполне сносные навыки русского диалога. В конце концов мать вынесла приговор: «Пуховик не модный», – и повела двух своих мужчин дальше по Ямским коридорам. Однако главное достоинство китайского пуховика, – его низкая стоимость, – заставило вернуться обратно. Немногие тогда могли позволить себе что-то большее. Вопреки расхожим суждениям о китайском качестве, Пшеничный проносил пуховик три года, пока молодой организм резко не пошёл в рост.

Новость разнесло быстро, и тем же вечером к рынку отправились уже всей компанией. Конечно, торгующие разошлись, и Яма была закрыта, но сквозь решётку отлично просматривались её ряды, между которых можно было заметить китайца, сидевшего на крыльце сторожевого вагончика. Тогда стала понятной причина, переселившая его с периферии в самую гущу Ямских событий. До китайца вагончик занимал полоумный дед, патлатой головой, бородой на грудь и общим своим настроением сильно походивший на Солженицына. Откровеннее всего сходство это проявлялось, когда дед, будучи в подпитии, начинал обличительные речи в духе своего прототипа. Его почти ежевечерний выход к Ямской решётке забавлял случайных прохожих, особенно подрост-

ков, некоторые из которых, спасаясь от ежевечерней экзистенциальной скуки, намеренно приходили сюда, чтобы посмотреть дедовское выступление. Однако у деда скоро появилась привычка шататься по Яме и днём, что отпугивало покупателей и сильно раздражало хозяев рынка.

Получив постоянную прописку, китаец почти всё время находился теперь на отведённом ему клочке. С людьми общался только по торговой необходимости. Иногда его видели прохаживающимся между торговых рядов, снаружи Ямы китаец не показывался. К самой зиме он завёл себе щенка, тесно разделившего с ним неудобный быт гастарбайтера; к следующей осени животное выросло в крупную суку, экстерьером похожую на немецкую овчарку, но заметно с примесью. Кличку собаки никто не знал, компания называла её – Псина-2. Разрешением круглосуточно занимать вагончик и здесь же вести торговлю китаец пользовался в обмен на бесплатную сторожевую и дворницкую работу; торговый налог он платил, однако, на общих условиях. Об этом сам Лао Ли рассказал Пшеничному много лет спустя, когда навещал в больнице – наверно, считал своим долгом развлекать историями, а может, просто нравилось, когда его слушают.

Это произошло в Яме: телега появилась из-за угла – накатила. Пшеничному почти удалось отскочить в сторону, но – ступил в неровное, пошатнулся; рука, в поисках опоры, схватила шаткий стол с выставленной на продажу посудой – всё рухнуло под тяжестью падающего тела, осколки весело раз-

летелись в разные стороны. Пшеничному распоролось правое предплечье от самой кисти и почти до локтя, задело бок на уровне рёбер. Сначала боли не было, Пшеничный хотел сразу подняться, однако подскочивший хозяин разбитой посуды не позволил, мягко, но настойчиво, придержав на месте. Он что-то быстро выговаривал Пшеничному на своём языке, рядом начинала собираться толпа. Поднявшуюся суету успокоил подоспевший на место происшествия Лао Ли, он же, видимо, приказал обмотать раненую руку тряпкой повыше локтя, чтобы не так кровила, и вызвать скорую помощь. В больнице долго пытались остановить кровь, потом была операция – сшивали порванное сухожилие. И хотя всё было сделано быстро, с тех пор Пшеничный больше не мог пользоваться правой рукой в прежнем объёме: движения кисти стали немного скованы, кулак, хотя и остался прежней величины, был теперь сжат не так плотно, как раньше. На следующий после операции день в палату зашли два китайца: старший вёл за собой младшего. Пшеничный узнал обоих – именно в этот день Лао Ли назвал своё имя; второй был его племянник, чья тележка отравила Пшеничного на больничную койку. Молодой, – дядя представил его: Сяо Ли, – с самого начала не поднимал глаз, потупившись на потёртый линолеум, и, лишь когда старший обернулся к нему с гортанным звуком, принялся на очень плохом русском бормотать извинения. Потом дядя сам повторил извинения. Соседи по палате молча наблюдали за церемони-

ей, которая завершилась возложением корзины с фруктами на прикроватную тумбочку Пшеничного.

Лао Ли наносил свои визиты в больницу каждый день. Если у Пшеничного уже были посетители, китаец садился в угол и терпеливо ждал своей очереди; племянника с собой больше не приводил, ссылаясь на большую занятость Сяо Ли в Яме, но всякий раз передавал от него фрукты и пожелания к выздоровлению.

К этому времени Яма уже полностью была китайской. Почти сразу после того как Лао Ли начал исполнять сторожевые обязанности, китайцы один за другим стали появляться на рынке; Сяо Ли был среди них далеко не первым. Поначалу их можно было застать только за самой низкой работой – уборка мусора, погрузо-разгрузочные дела. Всего два-три человека, возможно, больше: на лицо они все одинаковые. Впрочем, уже скоро стало очевидным, что китайское население Ямы растёт: торговые места, принадлежавшие ещё недавно круглолицым славянским бабам или улыбчивым мужчинам с кавказской небритостью на лице, медленно, но верно стали переходить в руки китайцев. За несколько лет третья часть лиц, зазывавшая покупателей к своему прилавку, имела жёлтый оттенок кожи и азиатский разрез глаз, а когда китайцев стало примерно половина всей Ямы, коренные обитатели рынка ушли с него одним разом, как евреи из Египта. Обетованную землю они нашли в закрытых помещениях торговых центров, которые с приходом ново-

го века начали активное освоение рабочих площадей обанкроченных госпредприятий города. Редко кто задерживался на новом месте подолгу, вывески над бутиками меняли одна другую с предсказуемым постоянством. Яма напротив – продолжала стабильно функционировать, в ней образовался определённый порядок, который китайцы умело поддерживали, не нуждаясь больше в помощи своих прежних покровителей. Крепкие молодые люди, успевшие к тому времени заработать в своих кругах надёжную репутацию, естественно, не собирались просто так отдавать лакомый кусок, который курировали с самого момента его появления. Однажды в Яме случился погром, затем ещё один, а ещё чуть позже – пожар; были погибшие, конечно, все китайцы, но беспокоиться по их поводу, как и выяснять причину возгорания, никто не стал. В последующие несколько дней в разных районах города и вне его пределов все старые хозяева Ямы были найдены мёртвыми. Двух Пшеничный видел во время прохождения следственной практики, тогда он ещё был студентом: тела чистые, признаков борьбы или насильственной смерти нет, смерть наступила вследствие остановки сердца. Все, конечно, знали, что без китайцев не обошлось, однако никаких улик против них не было.

Большого резонанса среди простых горожан эти события не получили – неделю походил разговор и затих, зато во властной среде произошедшее вызвало немалое беспокойство: два трупа на момент их обнаружения числились

депутатами Городского собрания. Чиновники будто теперь только заметили, что прямо у них под боком, – и не под боком даже, а в самом боку, прямо в печени, – выросла большая злокачественная опухоль, которая успела к тому моменту пустить метастазы на близлежащие территории. Для китайцев Яма стала не просто рынком, но поселением – этнически замкнутым, обособленным культурно и накрепко вросшим в окружающий экономический ландшафт. Заложённая ещё адмиралом Чжэн Хэ традиция экспортировать семена Срединной Империи во внешний мир пережила века. Однако, умея поставить цель, великий евнух не разбирался в средствах. Ребёнок иных традиций, адмирал очаровал Императора величием идей и размахом своих проектов – семь походов к чужой земле бросили первые зёрна риса, молодые побеги которого до сих пор шепчут имя Чжэн Хэ на ветру. Лёгкая удача разжигает азарт, но его огонь ослепляет – адмирал так и не смог понять, что Империя, чтобы расшириться, строит стену, а будущее приближает, бездейтельно сидя на берегу реки. После смерти адмирала Золотой Флот был обречён. Время, а не человек движет историю – придворные мандарины знали об этом. К чему строить громадные корабли, к чему тратить огромные средства на их содержание? Белые варвары сами обо всём позаботятся, нужно только дать им чуть больше времени. Что значат какие-то сотни лет, если твоя мысль обнимает тысячелетия?

Возможно, кое в чём придётся им подсказать – белые вар-

вары не всегда бывают сообразительны. Но всегда активны. Они уверены, что земля вращается только их усилием; видеть, слышать и знать только себя – их традиция. Исключительна только белая раса, остальные – всего лишь тля, обитающая в колониях, где ей позволено трудиться на благо белого человека. Хозяин мира, кривыми своих маршрутов многократно пересекавший земные меридианы, он не приобрёл, однако, хоть сколько-нибудь ума и ясного видения, не научился манерам, умея лишь имитировать их в подходящий момент, остался варваром; униженная военным поражением Императрица Ци Си помнила об этом, когда приказала убрать и спрятать ценные вещи из приёмных покоев. Можно ли иметь другое отношение к тем, кто возомнил себя творцом сущего, но чьи желания, поступки и мысли низменны, малы и сиюминутны? Наловчившись мерить шагами пространство, белый варвар понятия не имеет о времени. Когда ты сидишь внутри шара, ты не знаешь, что находится снаружи.

Существованием белых варваров движет патологическое недовольство окружающими условиями. Неустроенность, впитанная ими ещё в материнской утробе, заставляет быть изворотливыми – чтобы обеспечить себе необходимый комфорт. Белый варвар верит, что только затем он и появился на свет, чтобы сделать в нём перепланировку. Он не верит, что жизнь будет продолжена без него, поэтому свою занимает поиском смысла и стремлением к идеалу, путь к которому

определён и распланирован – это заменяет простое удовольствие от самого процесса жизни. «Вы любите подводить итоги и хотите видеть результат. Вы всегда ставите перед собой конечную цель, но совершенно не думаете о том, что будет дальше. Вы не понимаете, что нельзя идти к идеалу, можно только уйти от него,» – так однажды Пшеничному сказал Лао Ли. Он умел ждать, умел затаиться до времени, будто клещ в анабиотическом сне ожидает случайного грибника, чтобы вместе с ним выйти из леса в окружающий мир. Он помнил всегда о том, кто он есть, и был только одним среди многих. И вот – жёлтая опухоль начала расползаться по земле, встраиваться в чужую систему, чтобы продолжить в ней своё существование. Осознав угрозу, англо-французские колонизаторы предприняли попытку интенсивной терапии: опиум – доступное средство, но главное – весьма эффективное. В первый момент казалось, что опухоль отступила, но враг оказался сильнее – мутировал, приспособился. Повторная инъекция не помогла.

В начале XX века американское правительство, в надежде оградить собственный организм от болезни, запретило иммиграцию китайских переселенцев. Что это могло решить? Китайцы давно уже имели собственный квартал в Сан-Франциско. Китайский причал, Улица танских людей – так они это называют сами. Такие улицы прочно выросли в планировку многих городов мира. При этом не важно ни социальное, ни политическое устройство заселяемых городов; глав-

ное – чтобы здесь была жизнь, в которую можно встроиться. В быту китайцы неприхотливы и могут приспособиться к любым условиям внешнего мира, поэтому их можно найти не только в близком Бангкоке или мягком климате Калифорнии, но и в коммунистической Гаване, в свободном Париже, в облюбованном капиталом Лондоне или на советском Дальнем Востоке... Маньцзы, или «бродяги», как их называл Пржевальский, населяли Приморье и Уссурийский край ещё до их присоединения к Российской Империи. По итогам Пекинского договора традиционное население, вытряхнутое из шёлковых складок Срединной Империи, рассеялось по этой земле, которую продолжало считать своей. Чуть позднее восстание дунган обеспечило китайский посев Средней Азии – восточные стройки и золотые прииски привлекали рабочую силу. Власть на местах скоро осознала необходимость создания резерваций, куда можно было компактно разместить китайское население, однако рассыпанную крупу нелегко собрать обратно в мешок. Дальневосточные маньцзы трудно поддавались переселению и успешно обходили предписания власти даже после чумы конца 1890-х годов. Впрочем, восстание боксёров и смежные события дали активное становление чайна-таунов Русской Маньчжурии. Владивостокская Миллионка была лишь одним из первых таких районов, которые быстро начали распространяться по всей Российской Империи с началом Первой мировой войны. Дешёвая рабочая сила была востребована при

строительстве железных дорог и вырубке леса. Эта же сила, распространившись через Дальний Восток в Сибирь и в Европейскую часть России, влилась в ряды Красной Армии, когда того потребовала революция. После окончания Гражданской войны китайцы снова рассеялись по разным частям страны, образуя новые этнические поселения в городах Советской России. Пшеничный знал об этом из рассказов своего деда по материнской линии, прошедшего довоенную молодость в Новосибирске, откуда был родом его отец. Аркадий Изосимович любил рассказать внуку что-нибудь из собственного детства, в котором, по его словам, было много драк с Закаменскими хулиганами, конопляного масла, строек и китайцев, которые выращивали огурцы, торговали на улицах пирожками и держали прачечные.

«Мальчишки бегали за ними, дразнили: „Соли надо? Ходя, соли надо?“ Не знаю, откуда пошла такая традиция. Китайцы не отвечали на это, не обращали внимания, вообще они были тихие. Только один раз я видел, как китаец-сапожник ответил из своей будки приставшему к нему пьяному мужику: „Русский дурак ты! Свободы надо?“ Очень я тогда удивился, до сих пор перед глазами тот пьяный мужик – тоже не ожидал такого поворота, глаза вытаращил, смотрит. Так и ушёл». Аркадий Изосимович рассказывал, что в 37-м или в начале 38-го, но ещё до Бухаринского процесса, отец перевёз их с матерью на Донбасс, где сам устроился работать на шахту. Когда началась война, и отец добровольцем

ушёл на фронт, он отправил семью обратно в Новосибирск, к тётке. Это было в начале осени 1941-го года и в это время китайцев в Новосибирске уже не было. Возможно, Аркадий Изосимович и не обратил бы на это внимания, если бы не его детская любовь к пирожкам, которые китайцы готовили возле старого деревянного цирка прямо на глазах покупателей – таких пирожков больше никто не пёк. Исчезли также прачечные и башмачные будки, исчезли овощи.

В раннем детстве дедушкины рассказы заменяли Пшеничному сказки, однако они повторялись и, в конце концов, стали неинтересны. Дедушка, впрочем, не перестал что-то рассказывать, но теперь это был только фон, наподобие настенного радио, которое имелось в квартире каждого советского жителя. С исчезновением таких радиоприёмников, не стало и Аркадия Изосимовича. Пшеничный вспомнил его рассказы, только когда Степан Иванович, его руководитель на следственной практике, отвёл в морг, чтобы показать трупы прежних хозяев Ямы. Один из них был известен в городе как Дядя Фёдор; его обнаружили в собственной машине возле ночного клуба, где он любил проводить время: деньги, документы и личные вещи целы, тело без повреждений, вскрытие также ничего не показало. «Умер, потому что умер», – сказал тогда патологоанатом, и Пшеничный заново поверил в почти волшебную силу китайцев, способных убить человека лёгким прикосновением пальца и раствориться в воздухе.

Последним из трупов был Папаша – самый немолодой

из Ямских и организатор всего сообщества. У Папаши были амбиции, он вырос и на момент смерти занимал пост градоначальника. Именно после его смерти власти заволновались. Самые отчаянные настаивали на силовой операции против Ямы, однако объективные причины не позволяли действовать столь радикальным образом. Тогда было решено блокировать Яму, отрезать её от городских коммуникаций и покупателей, однако и с этим возникли трудности: за прошедшие годы Яма превратилась в настоящее государство с собственной инфраструктурой, законами и традициями, способное неопределённо долго поддерживать автономное существование. Ещё до захвата рынка китайцами ненадёжные палатки и открытые прилавки стали заменять металлическими ларьками, очевидное преимущество которых заключалось в том, что такой ларёк мог быть использован не только как торговая точка, но и в качестве мини-склада. Покупатели также охотнее подходили к ларькам: и примерить в них можно спокойно, и доверия они больше внушают. Новшество оказалось торгово-выгодным, и потому Ямская крыша посчитала, что владельцы ларьков и платить должны больше, чем безларёчники. Чтобы не упустить собственную прибыль, молодые люди почти насильно начали снабжать ларьками оставшуюся часть Ямских субъектов; несогласных, по традиции, выселили. Впрочем, это была вынужденная мера, поскольку увеличение площади индивидуальных торговых пространств требовало и значительного расширения рынка в целом, однако

на практике экспансию на прилегающие территории совершить было практически невозможно. Эту проблему решили китайцы, которые оказались куда более удачливыми торговцами, нежели первобытные обитатели Ямы. Китайский товар привлекал своей дешевизной, при том что качество конкурентных товаров было сопоставимо – покупатели охотно брали китайское. Рыночное соревнование закончилось окончательной победой желтолицых пришельцев, которые начали переустраивать Яму на собственный вкус: ларьки заменяли грузовыми контейнерами, на них надстраивали деревянный этаж, куда изнутри контейнера вела лестница с люком – это помещение было только для хозяина торговой точки, здесь он спал и готовил себе еду. Такие постройки плотно прирастали одна к другой, так что в Яме образовались самые настоящие улицы с домами-магазинами; некоторые владельцы открывали в контейнерах небольшие кафе, где готовили лапшу, пирожки и другую китайскую еду, которую, при желании, могли попробовать не только сами торговцы, но и посетители рынка.

Проспект, площадь, река – естественные границы Ямского оврага вновь остановили застройку, теперь контейнерную. С четвёртой стороны Яма вплотную приблизилась к частному сектору и заброшенным барачным постройкам, и если со вторыми обошлось быстро: китайцы моментально захватили их, заново превратив, пускай в нелегальный, но жилой фонд, – перед домами частного сектора рынок в нере-

шительности замялся, будто приглядываясь, решая, с какой стороны будет удобнее откусить. Деревянные дома стояли в центре города ещё с дореволюционных времён, удобства в них было немного, и местные жители не предпринимали попыток к переселению только по причине своего излишнего оптимизма: надеялись на снос всего района, в результате чего могли рассчитывать на квартиру с выгодным приростом жилплощади; многие ради этого специально прописывали в домах своих родственников. Однако ожидание сноса затягивалось. Когда китайцы вплотную приблизились к частному сектору, держать с ними соседство многим показалось делом неприятным и хлопотным: крики, запахи незнакомой еды, мусор – постепенно дома начали продавать самим же китайцам. Не ясно, откуда последние брали деньги, но суммы за дома, по слухам, отдавали вполне приличные; впрочем, торговля, возможно, и правда позволяла неплохо зарабатывать. Став полностью китайским, частный сектор, в отличие от собственно Ямы, в городе стал называться «Китайским кварталом».

Таким образом, китайцы заняли всю северо-западную часть исторического центра – это была внушительная территория, которую, после смерти Папаши, власти, не осмеливаясь на грубое вторжение, почти наверняка приведшее бы к новым жертвам, решили отрезать от всех возможных коммуникаций и, главное, от товарно-денежных отношений с городом. Всего за день вокруг китайского поселения выросло

высокое сеточное ограждение с колючей проволокой по верхам, а по его периметру были расставлены постовые. Осадное мероприятие длилось несколько недель, по истечении которых стало ясно: жизнь Ямы и Китайского квартала никак не зависит от жизни вовне их. Воду китайцы брали в колодцах, имевшихся почти в каждом дворе частного сектора; там же, в частном секторе, они выращивали огурцы, помидоры и другую съедобную растительность, кое-кто разводил кур. Оставалась надежда, что китайцы задохнутся в собственном мусоре, однако обитатели Квартала и Ямы нашли самое простое решение проблемы – катапультировали мусор через ограду. Особенно досталось реке, почти вплотную к которой подходила северная часть китайского поселения: мусорные свёртки и пакеты летели прямо в воду и, оттянутые течением вниз, к мосту, образовали там дамбу, которая очень скоро начала разлагаться. Положение усугублялось наступившим июлем, когда жара и насекомые катализируют процессы гниения, так что блокада Ямы и Квартала грозила обернуться для города экологической катастрофой. Тогда и стало понятно, что в городе образовался свой Коулун, покончить с которым одним лишь волевым решением вряд ли удастся. И дело было не только в гниющем мусоре – финансовые потери от сноса рынка угрожали чиновничьему благополучию крахом; властям пришлось убрать ограждения. Это событие стало большой победой Ямы, отстаившей свой суверенитет перед городом; в тот же вечер рынок отметил

триумф продолжительными гуляниями и взрывами петард. Город не протестовал, понимая своё поражение, беспокойно засыпал, укрываясь одеялом от трескотни хлопушек.

Дым от этих хлопушек, перенесённый ветром из Ямы на улицы города, осел на них ощущением притихшей тревоги. Прохаживаясь знакомыми с детства маршрутами, Пшеничный испытывал чувство неприятного томления, похожего на то, которое он испытал однажды, когда получал результаты анализов в кожно-венерологическом диспансере. Неизвестность ожидания тяготила и хотелось уйти от неё – куда угодно, только чтобы не было ни самого ожидания, ни осуждающего взгляда старушки с псориазом, для которой он наверняка был олицетворением потерянной молодёжи... Вспоминая прошлое, Пшеничный вдруг понял, что пришёл и стоит теперь прямо возле ворот Ямы. Ещё несколько шагов – и он уже был за воротами, внутри. Конечно, после вынужденного перерыва, на рынок пришли покупатели, но Пшеничному казалось, что он здесь один, и все взгляды из контейнеров направлены только на него – узкие щёлки. Пшеничный старался не заглядываться по сторонам, отворачивался, если кто-нибудь из китайцев обращал на него прямое внимание, ускорял шаг, и, как тогда, в диспансере, ему снова захотелось уйти отсюда, сбежать, и он почти побежал, сорвался, но – выкатившая из-за угла тележка остановила...

В больнице, ежедневно навещаемый Лао Ли, и позже, когда сам приходил просиживать вечера в сторожевом вагон-

чике, Пшеничный понял – дальше горизонта не убежишь. Но даже если найдёшь где-нибудь тихий угол, где захочешь поставить свой лагерь, не забудь оглянуться по сторонам – нет ли где поблизости кибитки с ветхим бесцветным куполом, со ржавой дымящей трубой, с чёрной Псиной, которая лежит рядом и внимательно следит за каждым движением с твоей стороны? Обязательно увидишь такую кибитку. Возможно пешком, без кибитки, возможно, без Псины, – так ли важно? – но с огромным запасом жизненной силы первые маньчзы, а может – заблудившиеся охотники, преодолев недобрую стихию Амура, разбрелись по левобережным лесам, ветвили дорожки в нежилое пространство, залегали в первозданной непроходимости, спасая своё одиночество, впадали в анабиоз и пребывали в нём, пока вдруг рядом не появлялись робкие признаки человеческой деятельности – тогда просыпались навстречу новому существованию. Срединная Империя эмитировала в окружающий мир своих послов; лишённые подпитки материнского организма, они вынуждены были искать себе хозяина, поселялись в нём симбионтами, становились неотъемлемыми участниками процесса. Империя ждала удобного случая: так, Китайско-Восточная железная дорога задумывалась царским правительством как часть плана по отторжению части Маньчжурии от ослабевшего Цинского Китая, однако результатом стала волна китайских переселенцев на левый берег Амура. С началом Первой мировой войны, когда в царской России

началась активная прокладка железных дорог и другое строительство, поток китайского населения в страну только усилился. Революция, казалось, прекратила этот поток и даже предприняла отчаянные попытки обернуть его русло вспять, но, не желая возвращать отвоёванное пространство, китайцы сумели быстро интегрироваться в новую власть, вступая тысячами и десятками тысяч в ряды Красной Армии – они делали ставку на победителей. Окончание Гражданской войны и значительное сокращение войск повлекло новое осажение китайской взвеси по городам. Пшеничный заново вспомнил дедушкины рассказы о трудолюбии пришлого населения, будь то городские ремесленники, люмпены или крестьяне из новосибирской Огурцовки. Однако за пределами дедушкиных рассказов оставались подробности того момента, который более всего интересовал Пшеничного: «Их перед войной никого в городе-то и не осталось. Ну, может, на фронт их свезли – может быть. Война многих побила. Так ведь одно – остался бы хоть кто-то из них, вернулся бы. А тут, почитай, будто и не было никогда...» – истории свои дед заканчивал там, где начинались вопросы внука...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.